

ТРАНСГУМАНИЗМ И ПОСТМОДЕРНИЗМ: МНИМОЕ СХОДСТВО И РЕАЛЬНОЕ РАЗЛИЧИЕ

Дёмин И. В.

Вопрос о соотношении трансгуманизма и постмодернизма на первый взгляд может вызвать недоумение, ведь трансгуманизм – это *мировоззрение*, а постмодернизм – это «направление в современной философии». Как же их можно сравнивать? Однако оба эти явления современной культуры сочетают в себе собственно философские (то есть онтологические) и мировоззренческие (аксиологические) аспекты. В конкретных текстах представителей обоих этих идейных течений крайне трудно (а, может быть, и вовсе невозможно) отличить собственно философский аспект от мировоззренческого и «идеологического». Это связано с тем, что всякий базовый философский (онтологический) принцип несёт определённые аксиологические, мировоззренческие и идеологические импликации и, наоборот, всякое мировоззрение коррелирует с той или иной фундирующей его онтологией.

Формальное определение «постмодернизма» (как *постнеклассического* или *постсовременного* этапа в философии) сводится к его дистанцированию как от «классического», так и от «неклассического» типов философствования. А. А. Грицанов определяет постмодернизм как «направление современного философствования, содержательно и ценностно позиционирующее себя вне рамок классической и неклассической традиций в качестве постнеклассической философии»¹.

Сложность содержательного определения «постмодернизма» связана с двумя основными обстоятельствами: во-первых, его содержание и понятийный аппарат находятся в состоянии становления и в силу этого не могут быть однозначно унифицированы, во-вторых, программная установка на радикальную плюральность делает проблематичным сведение различных течений

---

¹ Новейший философский словарь. Постмодернизм. Гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Мн.: Современный литератор, 2007. – С. 425.

и направлений постмодернизма к общему знаменателю. А. А. Грицанов писал по этому поводу: «Смысловая и категориально-понятийная пестрота подходов постмодернизма обусловлена его радикальным отказом от самой возможности конституирования в сфере современного философствования концептуально-методологической матрицы, которая могла бы претендовать на парадигмальный статус. Постмодернистская философия ориентирована на плюрализм своих проблемных полей, обнаруживающих перманентные интенции к своему расширению»². «Создается впечатление, – пишет К. Харт, – что постмодернизм вообще невозможно свести к набору философских тезисов. Вполне вероятно, что постмодернисты работают в рамках тех или иных конкретных подходов или стилей – например, скептицизма и иронии, – которые невозможно отделить от того, что они делают»³.

Тем не менее, следует попытаться выявить базовые презумпции постмодернистского типа философствования и соответствующие им базовые мировоззренческие (аксиологические) ориентиры.

К. Харт выделяет три базовых принципа постмодернизма: антиэссенциализм, антиреализм и антиосновность. Рассмотрим их.

Антиэссенциализм может принимать различные формы в зависимости от того, что подразумевается под эссенциализмом. «Одна из наиболее распространенных форм опирается на утверждение, будто не существует естественной и универсальной сущности того, что есть человек: все то, чем мы являемся, сложилось в ходе исторического развития и культурно обусловлено»⁴. Заметим, что антиэссенциализм постмодернизма проявляется не только в вопросе о человеке, но и во всяком ином философском вопросе. Постмодернизм в этом смысле отказывает в праве на существование самому *метафизическому способу вопрошания*. Постмодернизм более не вопрошает о сущности или сути чего-либо (человека, общества, истины и т.д.).

Если всякая метафизика – это эссенциализм (вопросание о сущности и отыскание сущности), то постмодернизм есть *анти-*

---

² Там же. – С. 427.

³ Харт К. Постмодернизм. – Пер. с англ. К. Ткаченко. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – С. 47.

⁴ Там же. – С. 47-48.

метафизика. В этом смысле философский постмодернизм продолжает линию (точнее, *линии*) неклассической критики метафизики. Для классической философии характерно понимание бытия как наличия (присутствия)⁵. В противоположность этому постнеклассическая (постмодернистская) философия позиционирует себя как *метафизика отсутствия*⁶. Ж. Делёз, один из крупнейших представителей философского постмодернизма, вслед за Ф. Ницше, определяет «философию будущего» как «перевернутый вверх ногами платонизм»⁷. Если вспомнить, что Делёз делает Ницше своим «концептуальным персонажем» и в своей интерпретации текстов Ницше излагает собственное философское кредо, то становится очевидным, что постмодернизм – это и есть не что иное, как *перевернутый платонизм, анти-эссенциализм, анти-метафизика*.

Другой базовый принцип постмодернизма – *антиреализм*. Термин «антиреализм» столь же многозначен, как и то, что он отрицает. В самом общем значении антиреализм – это «отрицание соответствия между языком и реальностью»⁸. «Язык не просто транслирует информацию, но отчасти конструирует то, что передает. Мы не можем иметь объективного представления о реальности, так как не можем выйти за рамки языка»⁹. Принцип антиреализма находит свою конкретизацию в сведении *реальности*

---

⁵ Эти термины в постмодернистских текстах, как правило, не различаются. «В постмодернистской ретроспективе, – пишет М. А. Можейко, – классическая философия предстает как метафизика "наличия" или "присутствия", в то время как неклассический тип философствования оценивается философией постмодернизма как инициировавший "критику... определения бытия как наличия" (Деррида)» (Постмодернизм. Энциклопедия. Сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. – С. 461.)

⁶ Как отмечает М. А. Можейко, термин «метафизика отсутствия» в концептуальном пространстве постметафизического мышления означает «парадигмальную установку на отказ от трактовки бытия в качестве наличного и ориентацию на его понимание как нон-финальной процессуальности» (Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 462).

⁷ См.: Делёз Ж. Платон и симулякр. Пер. Е. А. Наймана // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. – Томск: «Водолей», 1998. – С. 225-240.

⁸ Харп К. Постмодернизм. – С. 50.

⁹ Там же. – С. 50-51.

(сущего) к *реалистичности* (текста, нарратива), замене реальности «эффектом» («иллюзией») реальности, продуцируемой в тексте (Р. Барт) или «гиперреальностью» (Ж. Бодрийяр). Антиреализм постмодернистской философии и текстологии связан, в конечном счёте, с критикой и пересмотром референциальной модели знака¹⁰, отказом от корреспондентской теории истины, отказом от презумпции возможности внетекстового означаемого («трансцендентального означаемого»)¹¹, тотальной семиотизацией и текстуализацией мира (постмодернистская метафора мира как текста)¹².

Постмодернистская мысль, по словам И. П. Ильина, «пришла к заключению, что все, принимаемое за действительность, на самом деле есть не что иное, как представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и смена которой ведет к кардинальному изменению самого представления. Таким образом, восприятие человека объявляется обреченным на "мультиперспективизм", на постоянно и калейдоскопически меняющийся ряд ракурсов действительности, в своем мелькании не дающих возможности познать ее сущность»¹³.

Третий базовый принцип постмодернизма – *антиосновность*, точнее, *антифундаментализм*. Именно этот принцип К. Харт считает определяющим и наиболее характерным для философского

---

¹⁰ «Критический анализ постмодернизмом предшествующей философской традиции (традиции истолкования феномена значения) отчетливо ориентирован на прочерчивание вектора от традиционной онтологизации значения ко все более последовательному программному отказу от самой идеи референции» (Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 440).

¹¹ Согласно Ф. Джеймисону, «то, что мы в общем виде называем означаемым – значение или понятийное содержание высказывания, – должно рассматриваться, скорее, как видимость значения, объективный мираж... порожденный и сформированный соотношением означающих между собой» (Цит. по: Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 440).

¹² «Философия постмодернизма, – пишет М. А. Можейко, – задает особое видение мира, в рамках которого бытие предстает как жизнь языка, понятая в качестве не просто самодостаточной, но исключительной реальности» (Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 441). Единственный мир, доступный человеку, – это дискурсивная среда, в которую человек всякий раз уже погружён.

¹³ Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – С. 231.

постмодернизма, так как «постмодернисты больше высказываются против прочных основ, а не против сущности или объективной реальности»¹⁴. Принцип антифундаментализма означает принципиальную гипотетичность всех человеческих знаний. Фактически антифундаментализм – это другое название для философского, эпистемологического и аксиологического релятивизма. Наиболее последовательно этот принцип в современной постмодернистской философии проводят Р. Рорти и П. Фейерабенд.

В качестве конкретизации принципа антифундаментализма можно привести и данную Ж.-Ф. Лиотаром трактовку постмодернизма как «заката метанарраций». Как отмечает Е. П. Коротченко, «метанаррации служат средством легитимации для знания, социальных институтов и для всей современной эпохи в целом. В своей основе модерн базируется на идеях-метанаррациях рационализма, Прогресса истории, сциентизма, антропоцентризма, свободы, легитимности знания»¹⁵. Постмодернизм, настаивая на принципиальной равнозначности и равноправности множества сосуществующих картин мира, провозглашает «закат метанарраций».

Рассмотренные принципы, конечно, не дают сколько-нибудь полного представления о философском постмодернизме. «Не все постмодернисты, – пишет К. Харт, – являются антиэссенциалистами, антиреалистами и анти-фундаменталистами. С другой стороны, немало людей придерживаются антиэссенциалистских, антиреалистичных и антифундаменталистских взглядов и при этом не являются постмодернистами»¹⁶. Однако выделенные принципы высвечивают анти-метафизическую, анти-классическую и анти-традиционалистскую направленность философского постмодернизма.

Наряду с термином «постмодернизм» в современной философии часто используется термин «постмодерн». А. А. Грицанов проводит различие между ними следующим образом: «Если современное

---

¹⁴ Харт К. Постмодернизм. – С. 54.

¹⁵ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 459.

¹⁶ Харт К. Постмодернизм. – С. 52-53.

культурное состояние может быть правомерно охарактеризовано посредством понятия “постмодерн” то состояние осознающей его ментальности вполне адекватно именовать посредством понятия “постмодернизм”»¹⁷.

Одна из важнейших презумпций философского постмодернизма, нашедшая отражение в самом названии этого направления, – это презумпция «конца истории». «Современная культура, – пишет М. А. Можейко, – рефлексивно осмысливает себя как "постмодерн", т.е. пост-современность, как процессуальность, которая разворачивается "после времени" – в ситуации "свершенности" и "завершенности" истории»¹⁸. Согласно Ф. Джеймисону, предчувствия будущего, катастрофического или спасительного в культуре постмодерна «заместились ощущениями конца того или этого (конца идеологии, искусства или социального класса; “кризис” ленинизма, социальной демократии или общества всеобщего благосостояния и т. д. и т. п.); взятые вместе они, возможно, составляют то, что все чаще обозначается постмодернизмом»¹⁹.

Для постмодернистского сознания характерно специфическое видение мира как хаоса, «лишенного причинно-следственных связей и ценностных ориентиров, "мира децентрированного", представляющего сознанию лишь в виде иерархически неупорядоченных фрагментов»²⁰. Это специфическое мировидение получило название «постмодернистской чувствительности». Постмодернистское сознание ориентировано на *усмотрение хаоса в любой упорядоченности*.

Мы кратко остановились лишь на некоторых исходных презумпциях и принципах философского постмодерна. Нельзя не заметить, что все они носят ярко выраженный *негативный* характер. Постмодернизм есть анти-реализм, анти-фундаментализм, анти-эссенциализм, анти-метафизика, анти-традиционализм, анти-платонизм и т.д. и т.п. Философский постмодернизм есть чистое

---

¹⁷ Новейший философский словарь. Постмодернизм. – С. 428.

¹⁸ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 601.

¹⁹ Джеймисон Ф. Постмодернизм или логика культуры позднего капитализма // Социология: Энциклопедия. Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003.

²⁰ Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – С. 206.

отрицание «европейской метафизики»²¹, а точнее, *паразитирование* на ней. Как и всякое отрицание, постмодернизм сохраняет зависимость от того, *что* он отрицает, выступая, по сути, *изнанкой* классической европейской философской традиции, её *оборотной стороной*. Этот наш тезис о принципиально *бессодержательном* и *негативном* характере постмодернистской философии станет более понятным в ходе сопоставления постмодернизма с другим идейным течением современности – трансгуманизмом.

Наш принципиальный тезис заключается в следующем: сходство трансгуманизма и постмодернизма поверхностное и мнимое, различие же их носит вполне реальный и весьма существенный характер. Этот тезис идёт вразрез с существующими в современной исследовательской литературе трактовками соотношения этих идейных течений. Рассмотрим сначала некоторые идеи, которые, как будто, сближают трансгуманизм с постмодернизмом.

Трансгуманизм как мировоззрение опирается на «постметафизическую философию».

Понятие «постметафизическая философия» является собирательным, оно включает в себя целый ряд самых различных философских и идейных течений в западной культуре последних полутора веков. Значение понятия «постметафизическая философия» проясняется и выкристаллизовывается в ходе дискуссий о «конце» метафизики и «преодолении» метафизики, которые занимают важное место в духовном пространстве современности. В зависимости от того, что принимается в качестве критерия метафизики, то или иное философское учение будет относиться к метафизике или к «постметафизике». Яркий пример – философия Ф. Ницше. В интерпретации М. Хайдеггера философия Ницше – это *завершение* метафизической традиции, последнее её слово, наиболее полное выражение тех интенций, которые в ней изначально присутствовали. В интерпретации же Ж. Делёза философия Ницше – это *преодоление* метафизики и первое слово новой (постметафизической, постмодернистской) традиции. Примем в качестве исходного тезис, согласно которому сущность

---

²¹ А. Г. Дугин определяет постмодерн как «отрицание модерна без возврата к премодерну» (Дугин А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. – М.: «Евразийское Движение», 2009. – С. 67).

метафизики, метафизического стиля мышления – это *эссенциализм*. Тогда к постметафизическим можно будет отнести те философские учения или направления, которые так или иначе *преодолевают* эссенциализм²².

Наиболее ярко эссенциализм метафизической философии проявляется в вопросе о человеке. Метафизика стремилась ответить на вопрос «что есть человек?» и ответ на этот вопрос предполагал отыскание такой черты или характеристики, без которой человек перестаёт быть тем, чем он является, и которая делает его тем, чем он является. Различные метафизические учения объединяет не общий *ответ* на этот вопрос, но *признание правомерности самого этого вопроса*.

Трансгуманизм, как и некоторые другие идейные течения XX века, отказывается от подобной постановки вопроса. «Сущность» человека усматривается не в каком-либо его качестве (язык, сознание, способность к труду или игре и т.д.), а в *особом способе его бытия*. Бытие человека есть самотрансцендирование, преодоление границ, в том числе (и даже *прежде всего*) границ своей собственной «природы». Именно такое понимание сущности человека лежит в основании трансгуманистического проекта преодоления природной (биологической) обусловленности человеческого существа.

Постмодернизм также «осмысливает свой стиль мышления как "постметафизический"»²³. Это проявляется в том, что «постмодернизм последовательно подвергает деструкции практически все базисные презумпции самого метафизического стиля мышления»²⁴. Однако «постметафизика», как мы уже отмечали, – это понятие собирательное и, де-факто, не имеющее собственного содержания, под его маской могут скрываться самые различные и даже враждебные друг другу идеи и концепты. Кроме

---

²² «Сущность предшествует существованию». Так Ж.-П. Сартр, несколько упрощая суть дела, сформулировал основное кредо метафизики (См.: *Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм*. Пер. с фр. М. Грецкого // *Сумерки богов*. – М.: «Политиздат», 1989. – С. 319-344). Этот тезис следует дополнить: сущность не только *предшествует* существованию, но и *определяет* его.

²³ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 461.

²⁴ Там же. – С. 462.

того нельзя забывать, что постметафизическое мышление имеет несколько разветвлений, каждое из которых имеет собственные идейные источники. Наиболее значительными нам представляются два направления в постметафизической философии, берущие начало соответственно в экзистенциально-феноменологической²⁵ и структуралистской интеллектуальных традициях. Если принять это во внимание, то окажется, что трансгуманизм и постмодернизм (постструктурализм, деконструктивизм) проистекают из *разных* идейных источников.

Трансгуманистический проект преодоления биологической обусловленности человека опирается на понимание человека как активного самотрансцендирующего существа, наиболее последовательно проводившееся, с одной стороны, в экзистенциально-герменевтической и феноменологической философии, с другой стороны, в различных версиях религиозной философии (прежде всего, в русском религиозном космизме). Постструктурализм и деконструктивизм демонстративно абстрагируются от проблемы человека, полагая всякий дискурс о человеке априори «метафизическим», и имеют свои главные идейные источники в структурализме и семиотике.

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько оправданным и успешным является постструктуралистский проект «деконструкции метафизики», заметим, что трансгуманизм и постмодернизм (в его «классической» постструктуралистской и деконструктивистской версии) объединяет лишь неудовлетворённость господствовавшей на протяжении тысячелетий и во многом ещё сохраняющей свои позиции метафизической традицией и общее название («постметафизика»).

Более существенное сходство между трансгуманизмом и постмодернизмом можно усмотреть в экспликации и трактовке феномена *трансгрессии*. Однако и это сходство, как мы намерены показать, является лишь мнимым.

Трансгрессия – одно из ключевых понятий постмодернизма, «фиксирующее феномен перехода непроходимой границы, и прежде всего – границы между возможным и невозможным: "трансгрессия –

---

²⁵ Сюда же следует отнести и «философскую герменевтику».

это жест, который обращен на предел" (Фуко), "преодоление непреодолимого предела" (Бланшо). Согласно концепции трансгрессии, мир налично данного, очерчивая сферу известного человеку возможного, замыкает его в своих границах, пресекая для него какую бы то ни было перспективу новизны»²⁶.

Трансгрессия – это переход к тому, что в парадигме линейного детерминизма представляется невозможным, это разрыв причинно-следственных связей явлений и процессов. Отсюда – невозможность не только *предсказания*, но и *выражения* феномена трансгрессивного перехода: концепция трансгрессии «основана на идее невозможности не только предсказать, но даже выразить в наличном языке феномен перехода к тому, что не детерминировано (линейно не причинено) наличным бытием и в рамках последнего мыслится как "невозможное"»²⁷. М. А. Можейко проводит аналогию между постмодернизмом в философии и синергетической «парадигмой» в современной (постнеклассической) науке и, в частности, между трактовкой феномена трансгрессии в постмодернизме и синергетической идеей случайной флуктуации: «Постмодернизм однозначно связывает акт трансгрессивного перехода с фигурой "скрещения" различных версий эволюции, что может быть оценено как аналог бифуркационного ветвления. Столь же очевидна аналогия между синергетической идеей случайной флуктуации и постмодернистской идеей фундированности трансгрессии сугубо игровым ("бросок кости") механизмом»²⁸.

Предполагает ли трансгуманистический проект будущего трансгрессивный переход от «возможного» к «невозможному»? Да. Но понимание этого перехода в трансгуманизме существенно иное, нежели в постмодернизме. Прежде всего, трансгрессивный переход²⁹ в постмодернизме (и в «синергетике») мыслится как *случайный* и *случающийся*, а в эволюционном трансгуманизме – как

---

²⁶ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 841. Автор статьи – М. А. Можейко.

²⁷ Там же. – С. 506.

²⁸ Там же. – С. 841.

²⁹ В программных текстах трансгуманистического движения часто используются в значении синонимов термины «фазовый переход» и «межсистемный переход». Первый – родом из термодинамики, второй – из теории систем. Оба выражения в контексте трансгуманистического мировоззрения означают примерно то же самое, что и термин «трансгрессия» в постмодернизме.

совершающийся и *осуществляющийся*. В постмодернизме переход непреодолимой границы – это результат «броска игральных костей» или (что, по сути, то же самое) «случайных флуктуаций». В трансгуманизме же трансгрессия – это результат *усилия* самопреодоления и самотрансцендирования. Постмодернистская трактовка феномена трансгрессии полностью исключает *самость* и *субъектность* («смерть субъекта»), трансгуманизм же в своей трактовке феномена трансгрессии предполагает субъекта и самость и опирается на осмысление религиозного опыта, который всегда есть опыт самопреодоления и потому требует от человека предельной экзистенциальной собранности и сверхусилия.

Ещё одно важное понимание различия между трансгуманизмом и постмодернизмом в интерпретации опыта трансгрессии заключается в понимании категории *возможности*. Постмодернистская концепция трансгрессии направлена против механистической картины мира, основанной на презумпции линейного детерминизма, в которой, в строгом смысле слова, вообще нет места возможности, если под возможностью понимать *возможность человека* (возможность, которую имеет человек в своём бытии и которой он сам в своём бытии является). Линейный детерминизм допускает лишь *вероятности*, но не *возможности*.

Постмодернистская концепция трансгрессии также исключает возможность как собственно человеческую возможность, исключает она и самого человека как активного самосознающего и самотрансцендирующего субъекта. Трансгрессивный переход может *случаться с человеком*, но он не может *осуществляться самим человеком*. Трансгрессия мыслится как совершенно случайный, непредсказуемый, непрогнозируемый переход к такому состоянию, которое представляется невозможным в контексте метафизической (и/или механистической) картины мира, фундированной презумпцией линейного детерминизма. Постмодернистская концепция трансгрессии, по сути, является *изнанкой, оборотной стороной* механистической и предельно редукционистской картины мира, приписываемой³⁰ постмодернистами классической европейской метафизике.

---

³⁰ Обоснованно или необоснованно – это уже другой вопрос.

Трансгуманизм же вслед за русским космизмом и экзистенциально-феноменологической философией понимает возможность как *собственно человеческую* возможность. Так, бессмертие – это собственно человеческая возможность, которая в «наличных» условиях человеческого существования *представляется* как невозможность³¹. Трансгрессия (фазовый или межсистемный переход) – это результат преодоления («расширения») границ человеческого существования, осуществляемого активным и ответственным субъектом.

В современной исследовательской литературе неоднократно делался акцент на сходстве или даже тождестве трансгуманизма и постмодернизма. Наиболее примечательны в этом отношении рассуждения В. А. Кутырёва и Е. Н. Гнатик.

Е. Н. Гнатик полагает, что трансгуманистический проект антропоконструирования вносит существенный вклад в постмодернизм с его базовой презумпцией «смерти человека»: «Современные адепты трансгуманизма, с нескрываемым удовольствием теоретизируя о будущем космическом и сверхсовершенном человеке, пропагандируя идею ухода в виртуальные, заоблачные дали, осуществляют попытку постановки перед современной наукой и обществом антигуманной по сути своей задачи – создания “постчеловека”. Под названием “постчеловек” кроется представление о некоем кардинально измененном либо искусственно сконструированном (в будущем) существе, которое по своим качествам и способностям будет столь радикально отличаться от нынешнего человека, что его уже нельзя будет считать человеком. Тем самым это движение вносит немалый вклад в развитие постмодернистской рефлексии, заявляющей о “смерти человека”. На наш взгляд, нынешняя экспансия сциентистского, технократического сознания, готового вытеснить, разрушить “привычного нам человека”, его нравственно-эстетические идеалы,

---

³¹ Здесь важно различие между онтологической (принципиальной, безусловной, сущностной) невозможностью и невозможностью «эмпирической» (фактической, условной, случайной).

заменить их на нечто “более передовое и совершенное”, не может, мягко говоря, вызвать особых симпатий³².

Такое сближение трансгуманизма с постмодернизмом представляется весьма сомнительным.

Во-первых, постмодернизм в лице его виднейших представителей *элиминирует* вопрос о человеке, априори полагая всякий философский дискурс о человеке «метафизическим», трансгуманизм же, напротив, *возобновляет* вопрос о человеке, инициирует пересмотр традиционных (метафизических) представлений о сущности человека³³.

Во-вторых, трансгуманистический проект антропоконструирования не имеет ничего общего с парадигмальной для философского постмодернизма презумпцией «смерти человека», «смерти субъекта», «смерти Бога» и т.д. «Смерть человека» в постмодернизме – это *метафора* и теоретическое *допущение*, выражающее определённое мировидение и определённый стиль мышления. Преодоление биологической обусловленности и практическое бессмертие человека в трансгуманизме – это не метафора и не допущение, это *проект*, который мыслится как принципиально *осуществимый* и, что ещё более важно, уже активно *осуществляемый*.

В-третьих, постмодернизм представляет собой последовательный антисциентизм (а, возможно, и антирационализм), в контексте же трансгуманистического мировоззрения наука и рациональность выступают в качестве базовых ценностей человеческой цивилизации.

В. А. Кутырёв ещё более определёнno, чем Е. Н. Гнатик, высказывается относительно соотношения трансгуманизма и постмодернизма, фактически отождествляя их: «Опираясь на набирающее на Западе силу течение *трансгуманизма*, в котором

---

³² Гнатик Е. Н. Трансгуманистические проекты в эпоху конвергентных технологий // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. – Отв. ред. Г. Л. Белкина. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – С. 350-351.

³³ То, то критики трансгуманизма поспешно называют «расчеловечиванием», «деантропологизацией» человека, имея в виду различные теории и практики антропоконструирования, на самом деле, является благодатной почвой для более исходного осмысления человеческой сущности.

постмодернизм находит свое целевое завершение (транс – переступание через существующее к иному) и на ведущиеся в его русле так называемые *posthuman study*, он предлагает расширить учение о человеке до учения о живых и искусственных формах разума. Перейти от антропологии к “гуманологии”»³⁴ (курсив Кутырёва – И.Д.). «Трансгуманизм – составной элемент, состояние, результат, постмодернизма. Вытекающее из него следствие. Выступая в разных обликах, прикрываясь благими намерениями и придумывая некие собственные ценности, постмодернизм/трансгуманизм подводит под разрушение человека концептуальный и методологический фундамент»³⁵.

В. А. Кутырёв не желает замечать существенных и принципиальных различий между трансгуманизмом и постмодернизмом, его интерпретация продиктована, скорее, полемическими соображениями, нежели вдумчивым анализом. Вывод о тождестве трансгуманизма и постмодернизма делается на основании случайных (скорее *терминологических* и *стилистических*, нежели *содержательных*) совпадений. Действительно, и в трансгуманизме, и в постмодернизме ставится под вопрос и пересматривается классическая европейская философская традиция и проистекающее из неё понимание человека, но источники, мотивы, характер, а, главное, *перспективы* такого пересмотра в трансгуманизме и в постмодернизме принципиально различны.

Теперь, когда стало очевидным, что сходство между трансгуманизмом и постмодернизмом является *мнимым*, следует перейти к рассмотрению их *реальных* различий.

1. *Отношение к традиции*. Выделяя этот пункт, мы имеем в виду не какую-то определённую философскую или религиозную традицию, но традицию как таковую, традицию как универсальную форму и механизм передачи и сохранения социокультурного опыта, традицию как традиционность.

Постмодернизм, как и всякое иное идейное направление, имеет своих предшественников и вписан в определённый

---

³⁴ Кутырёв В. А. Философия постмодернизма. – Нижн. Н.: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2006. – С. 51.

³⁵ Кутырёв В. А. Философия трансгуманизма. – Нижн. Н.: НГУ, 2010. – С. 9.

интеллектуальный и социокультурный контекст. Исторические корни постмодернизма и его социокультурный контекст неоднократно эксплицировались в исследовательской литературе³⁶. Однако в данном случае важным представляется не подлинное место постмодернизма в истории европейской культурной и философской традиции, но его *самопозиционирование* по отношению к феномену традиции как таковому.

Постмодернизм в лице крупнейших своих представителей позиционирует себя как последовательный *антитрадиционализм*. «Вся западная культурная традиция рассматривается постмодернизмом как тотально логоцентристская, т.е. основанная на презумпции наличия универсальной закономерности мироздания, понятой в духе линейного детерминизма»³⁷. Поэтому постмодернистская философия не может быть ничем иным, кроме как «*деконструкцией*» *метафизической традиции как таковой*. Никакого *собственного* содержания, никаких *собственных* путей у философского постмодернизма нет и не может быть.

Свою задачу представители постмодернизма (деконструктивизма) видят в расчистке интеллектуального пространства и самого языка от следов метафизики. Задача эта является в принципе невыполнимой, так как «в контексте западной культурной традиции даже "общеупотребительный язык", согласно оценке Деррида, – "вещь не невинная и не нейтральная. Это язык западной метафизики, и он несет в себе не просто значительное число презумпций всякого рода", но, что наиболее важно, "презумпций... завязанных в систему", т.е. задающих жестко определенную парадигмальную матрицу видения мира. В связи с этим свою задачу постмодернистская философия определяет как освобождение от этой жесткой однозначности»³⁸.

Критика метафизической традиции в целом (а не только отдельных её феноменов), строго говоря, не является изобретением постмодернистов. По сути, всякая попытка целостной реконструкции истории философии представляет собой критику

---

³⁶ См., например: *Андерсон П. Истоки постмодерна*. Пер. с англ. А. Апполонова. – М.: «Территория будущего», 2011. – 208 с.

³⁷ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 428. Автор статьи – М. А. Можейко.

³⁸ Там же. – С. 461.

(«деструкцию») философской традиции. Наиболее яркий пример – хайдеггеровская деструкция метафизики. Однако здесь важен не сам *факт* пересмотра (переинтерпретации) метафизической традиции и даже не его *характер*, а его *мотивация*. Для чего и во имя чего осуществляется критика традиции? Этот акт может быть мотивирован стремлением противопоставить одной традиции другую традицию или поиском исходной («аутентичной») традиции, исходного понимания бытия (в проекте деструкции метафизики М. Хайдеггера).

Мотивация деконструкции традиции в постмодернизме совсем иная. «Являясь попыткой радикализации хайдеггеровской деструкции западно-европейской метафизики, *деконструкция имеет целью не прояснение фундаментального опыта бытия, но всеобъемлющую негацию понятия бытия как такового*. Деконструкция постулирует принципиальную невозможность содержательной экспликации бытия: тематика субъективирующей интериоризации не случайно является для нее главной»³⁹ (курсив мой. – И.Д.). Отношение к традиции отчётливо высвечивает *паразитическую, паразитарную и инфантильную* сущность постмодернизма. Так, ребёнок, неспособный к самостоятельному существованию, борется против родительской «опеки».

В отличие от постмодернизма трансгуманизм не только продолжает определённые траектории религиозного и философского развития человеческой культуры, но и *признаёт* свою зависимость от определённых религиозных и философских течений. В числе наиболее значимых идейных источников трансгуманистического мировоззрения следует назвать русский космизм, философию и идеологию эпохи Просвещения, кибернетику и общую теорию систем. Мировоззрение трансгуманизма находится на стадии формирования и исчерпывающий перечень её идейных источников едва ли можно составить. Да это и не нужно, ведь всякое живое и развивающееся мировоззрение черпает своё содержание из множества идейных источников и допускает самые неожиданные параллели.

2. Презумпция «конца истории».

---

³⁹ История философии: Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – С. 292. Авторы статьи: А. А. Горных, А. А. Грицанов.

Постмодернизм исходит из презумпции конца или завершённости истории. В горизонте постмодернистского мировидения история *уже завершена*, мы живём в ситуации пост-истории. Фундаментальным для культуры постмодерна выступает ощущение «конца истории». «Постмодерн осознает себя как пост-современность, процессуальность, которая разворачивается "после времени"»⁴⁰.

Презумпция «конца истории», по сути, является одним из проявлений радикального антитрадиционализма постмодернистской философии. Это и понятно, ведь традиция, по словам В. Л. Абушенко, «есть то, что удерживает нас в культуре и истории. "Связывая" человека прошлым, закрывая (до известной степени) ему возможность ретроспективного произвола, традиция открывает ему перспективу свободы в настоящем и будущем на основе прошлого»⁴¹.

Выражение «конец истории» в горизонте постмодернизма имеет два основных значения. Во-первых, «конец истории» означает отказ от линейного понимания времени⁴², отказ от исторического (историцистского) миропонимания и мироконструирования. История объявляется мифом (или «метанарративом»). Как отмечает Ж. Бодрийяр, «история была могучим мифом... который поддерживал одновременно возможность "объективной" связности причин и событий и возможность нарративной связности дискурса»⁴³. Во-вторых, выражение «конец истории» фиксирует особую социокультурную ситуацию, в которой становится очевидным, что все базовые ценности или «метанарративы» «исторического человечества» исчерпаны, дискредитированы и утратили своё значение. Как пишет М. Бланшо, «мы в большей или меньшей степени живем под знаком завершившейся истории, уже на

---

⁴⁰ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 595.

⁴¹ Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – С. 1047.

⁴² Согласно М. А. Можейко, для постмодернистской философии характерен «отказ от линейного осознания времени, предполагающего понятия минувшего и грядущего, и от основанного на нем линейного прочтения истории как необратимо развернутой из прошлого через настоящее в будущее» (Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 595).

⁴³ Цит. по: Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 595.

берегу текущей мимо реки»⁴⁴, иными словами – «обитаем», по выражению Джеймисона, «скорее в синхронном, чем в диахронном мире»⁴⁵.

Постмодернизм, игнорируя переосмысление времени и истории, предпринятое в рамках экзистенциально-феноменологической и герменевтической философских традиций, рассматривает линейное («метафизическое») понимание феноменов времени и истории в качестве единственно возможного. А между тем, в работах М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, М. Мерло-Понти были заложены основания для новой трактовки феноменов времени и истории, альтернативной классической линейной модели, но избегающей при этом радикального нигилизма и релятивизма постмодернистской философии.

Концепт пост-истории (конца истории) в постмодернизме предполагает невозможность (немыслимость) не только подлинной традиции (бывшего, былого), но и подлинной перспективы (будущего). Постмодернистское мировидение не только *беспочвенно*, но *«беспросветно»*. Это и понятно, ведь всякая устремлённость в будущее, как и всякое его предвосхищение предполагают обращение к прошлому, к корням, к традиции. Верно, разумеется, и обратное утверждение: обращение к традиции возможно не иначе, как в контексте того или иного «проекта будущего».

Постмодернистский антитрадиционализм и антиисторизм, оборотной стороной которого выступает «антипроективизм», ярко проявляется в современном «обществе потребления», в котором утрата корней и «чувства истории», тотальный нигилизм в отношении к историческому и культурному наследию, идеологическая неразборчивость и всеядность, выдаваемые за «плюрализм», идут рука об руку с неверием в будущее, недоверием к любым мобилизационным проектам, нездоровым любопытством и ажиотажем вокруг различных сценариев «конца света». Последнее есть не что иное, как выражение столь характерного для культуры постмодерна глубинного влечения к гибели и небытию.

---

⁴⁴ Цит. по: Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 595.

⁴⁵ Цит. по: Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 595.

В противоположность этому трансгуманизм – это мировоззрение, предполагающее устремлённость человека и человечества в будущее. Трансгуманизм выдвигает в качестве базовой ценности и базового принципа *векторное* человечество и векторное общество.

«Вектор» и «ризома» могут рассматриваться в качестве базовых метафор соответственно трансгуманистического и постмодернистского мировоззрений. «Ризома» определяется как «принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности, оставляющий открытой возможность для имманентной автохтонной подвижности и, соответственно, реализации ее внутреннего креативного потенциала самоконфигурирования»⁴⁶. Номадологическая концепция «ризомы» исключает возможность устремлённости к цели, так как цель всегда выступает как *трансцендентное* по отношению к наличному состоянию системы. «Вектор» как символ устремлённости к трансцендентному (самотрансцендирования) и «ризома» как символ «имманентной подвижности» среды⁴⁷, – вот базовые метафоры современности.

Векторное общество – это общество, устремлённое в будущее, нацеленное на реализацию определённого образа и проекта будущего. Векторное общество – это альтернатива современному «обществу потребления», для которого характерен «отказ от планирования будущего ради сиюминутного псевдостабильного настоящего»⁴⁸. Соответственно, проективизм трансгуманистического мировоззрения – это альтернатива постмодернистскому антитрадиционализму и «футурологическому нигилизму».

3. Статус феномена новизны и возможность творчества.

Как было показано выше, постмодернизм, в отличие от трансгуманизма, в содержательном плане не привносит в европейскую культурную традицию ничего нового. И это не

---

⁴⁶ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 565. Автор статьи – М. А. Можейко.

⁴⁷ *Рябь на поверхности водоёма* – вот ещё одна подходящая метафора для иллюстрации фундаментальной презумпции постмодернистского философствования.

⁴⁸ *Ариянов А.* Неочеловечество как предчувствие. URL.: <http://www.2045.ru/news/29144.html> (дата обращения: 22.02.13).

случайность, а закономерное следствие последовательного проведения базовых постмодернистских идей. Новизну постмодернизма можно усмотреть разве что в *радикальности* и *последовательности* отказа от традиции.

Согласно В. Л. Абушенко, «инновация только тогда приживается в социуме, когда вписывается в систему имеющихся значений социокультурного опыта, согласуется с имеющейся традицией или порождает новую традицию»⁴⁹. Постмодернизм не вписывается и не желает вписываться в существующую традицию, но и новой традиции постмодернизм, провозглашающий конец философии («метафизики»), не порождает. Постмодернизм, по точному выражению М. А. Можейко, есть «способ бытия классики в современную эпоху»⁵⁰. Постмодерн – это бесконечный комментарий по поводу «модерна» и «метафизики».

Неоригинальность философского постмодернизма уже отмечалась в литературе. Так, В. Н. Семёнова и А. В. Филиппович в «Послесловии» к «Новейшему философскому словарю» писали: «Пропагандируемые постмодернизмом идеи вовсе не являются оригинальными и неоднократно высказывались предшествующими неклассическими течениями – софистами, эллинистическими направлениями и средневековыми номиналистами»⁵¹. «Непримиримо критичная по отношению к иллюзиям и мифам метафизики, современная философия, тем не менее, совершенно некритично верит в оригинальность и новизну собственных концепций»⁵². Впрочем, как отмечают авторы, «тяга к новизне и оригинальности целенаправленно культивируется в современном потребительском обществе, для которого новизна, оригинальность и модность товаров являются жизненно важными условиями существования экономики»⁵³. Философский постмодернизм есть, с

---

⁴⁹ Новейший философский словарь, 2003. – С. 1047.

⁵⁰ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 603.

⁵¹ Семёнова В. Н., Филиппович А. В. Против Постмодернизма. Послесловие // Новейший философский словарь: Постмодернизм. – Мн.: Современный литератор, 2007. – С. 791.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

одной стороны, *порождение* общества и культуры потребления, с другой стороны, его концептуальная *легитимация*.

Современная массовая культура, идеологическим основанием и легитимацией которой выступает постмодернизм, ориентирована не на творчество, а на *потребление*. В этой культуре нет места для феномена подлинной новизны, несмотря на потребительский культ нового и потребительский ажиотаж вокруг разного рода «новинок».

Невозможность подлинной новизны и подлинного творчества в горизонте постмодернистского видения мира связана с пониманием текста как «интертекста» и «палимпсеста». «Каждый текст представляет собою новую ткань, сотканную из старых цитат»⁵⁴. «Текст, понятый как палимпсест, интерпретируется как пишущийся поверх иных текстов, неизбежно проступающих сквозь его семантику»⁵⁵. «Применительно к палимпсесту, собственно, невозможно отделить внешнее от внутреннего, разграничить привнесенные семантические блики и автохтонный материковый смысл, поскольку последний именно и только из них и состоит»⁵⁶.

Одной из базовых метафор культуры постмодерна и философии постмодернизма становится *коллаж*. «Коллаж превращается в постмодернизме из частного приема художественной техники в универсальный принцип построения культуры»⁵⁷. «Презумпция коллажности проявляется практически во всех феноменах культуры постмодерна... Фактически речь идет об атрибутивной коллажности любых феноменов современной культуры как их автохтонной характеристике»⁵⁸. Коллаж как базовый принцип культуры постмодерна предполагает, что всякое произведение есть не что иное, как *конструкция и комбинация цитат*. Поэтому символом культуры постмодерна становятся кавычки.

Эклектизм, претендующий на оригинальность, безразборность (принцип «нонселекции!»), выдаваемая за плюрализм и подлинную «множественность», старые, унаследованные от традиции и подвергнутые «деконструкции» (то есть перевёрнутые с ног на

---

⁵⁴ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 332. Автор статьи – М. А. Можейко.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. – С. 333.

⁵⁸ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 369. Автор статьи – М. А. Можейко.

голову) *метафизические* идеи, – вот наиболее характерные особенности современного постмодернизма.

В противоположность этому эволюционный трансгуманизм не только усматривает в творчестве (вслед за многими религиозными и философскими учениями) один из важнейших смыслов и ориентиров человеческой деятельности и культуры, но и открывает новые горизонты для осмысления феномена творчества и новые пути и возможности для самого творчества. Трансформация человеческой телесности, преодоление биологической обусловленности человеческого существа рассматривается в трансгуманизме как путь «очищения» высших ценностей от их биологической обусловленности, а вместе с тем преодоления их земного «горизонта».

4. *Статус субъекта.*

Вопрос о творчестве и новизне неразрывно связан с вопросом о статусе субъекта деятельности. Постмодернизм, как известно, провозглашает и приветствует «смерть субъекта» и «смерть автора». «В аксиологической системе постмодернизма автор символизирует идею внешней принудительной каузальности, в ситуации которой линейный тип детерминизма предполагает и линейное объяснение явления через указание на его единственную и исчерпывающую причину, в качестве которой для текста выступает автор. Постмодернизм отвергает классическую интерпретацию текста как произведенного автором "произведения"⁵⁹. В этой связи часто приводят слова одного из родоначальников постмодернизма Р. Барта: «Что касается Текста, то в нем нет записи об Отцовстве»⁶⁰.

Субъект в горизонте постмодернистской философии – это не автор-творец, а всего лишь скриптор⁶¹, *функция дискурса*. По словам М. Фуко, речь идет о том, чтобы «отнять у субъекта (или у его заместителя) роль некоего изначального основания и

---

⁵⁹ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 770. Автор статьи – М. А. Можейко.

⁶⁰ *Барт Р.* От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 417.

⁶¹ «На смену понятию автора, – пишет М. А. Можейко, – постмодернистская философия выдвигает понятие скриптора, снимающее претензии субъекта на статус производителя или хотя бы детерминанты текста» (Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 771).

проанализировать его как переменную и сложную функцию дискурса»⁶².

Философский постмодернизм в лице своих основных представителей элиминирует проблему субъекта и субъектности, поскольку всякая субъектность с самого начала квалифицируется как субъектность *метафизическая*, как проявление «логоцентризма». Постмодернизм исходит из традиционного для новоевропейской философии понимания субъекта как носителя чистой когнитивной рациональности и фактически игнорирует богатейший опыт осмысления феноменов субъектности в неклассической философии. В различных направлениях неклассической философии (от американского прагматизма до герменевтической феноменологии М. Хайдеггера) представители постструктурализма усматривают лишь «следы» и «пережитки» метафизической традиции, но не видят новых путей для осмысления феномена субъектности.

В эволюционном трансгуманизме вопрос о субъекте, способном взять на себя ответственность за судьбу человеческой цивилизации, без сомнения, выходит на первый план.

Мировоззрение эволюционного трансгуманизма возобновляет вопрос о человеке и открывает новые возможности для осмысления человеческой субъектности. По аналогии с постструктуралистской метафорой «смерти субъекта» можно говорить о подлинном «воскрешении субъекта»⁶³ в эволюционном трансгуманизме.

5. Метанарративы.

Один из основоположников философского постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар писал: «Упрощая до крайности, мы считаем "постмодерном" недоверие в отношении метарассказов»⁶⁴. Если эпоха постмодерна – это эпоха заката метанарратий, то

---

⁶² См.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с фр., сост., комм. и послесл. С. Табачниковой. – М.: «Касталь», 1996.

⁶³ «Воскрешение субъекта» в эволюционном трансгуманизме не имеет ничего общего с одноимённой стратегией позднего (современного) постмодернизма.

⁶⁴ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: «Институт экспериментальной социологии», СПб.: «АЛЕТЕЙЯ», 1998. – С. 10.

постмодернизм можно определить как *программный отказ от метанарративов*.

Программное недоверие к метанарративам связано с дискредитацией всяких универсалий и всякой универсальности: «В культуре постмодерна девальвированной оказывается любая (не только онтологически фундированная, но даже сугубо конвенциональная) универсальность»⁶⁵.

«Метанарратив» («метаповествование», «метанаррация») осмысливается в постмодернистской философии как «принцип интегральной организации культуры и социальной жизни»⁶⁶. Метанарративы задают своего рода «семантическую рамку любых нарративных практик в контексте культуры»⁶⁷. В качестве примеров метанарраций обычно приводятся новоевропейские идеи эмансипации и социального прогресса, просветительская трактовка знания как инструмента разрешения любых проблем и т. д.

Важный момент в постмодернистской критике метанарративов – это экспликация их связи с феноменами *идеологии* и *власти*. «Постмодернизм рассматривает метанаррации как своеобразную идеологию модернизма, которая навязывает обществу и культуре в целом определенный мировоззренческий комплекс идей; ограничивая, подавляя, упорядочивая и контролируя, они осуществляют насилие над человеком, его сознанием»⁶⁸. «Метанаррации служат оправданием власти, которая стремится к подчинению знания своим целям, налагая на него определенные ограничения»⁶⁹. Метанарративы, таким образом, ответственны за *превращение знания в идеологию*.

Всякая идеология, в основании которой лежат те или иные метанарративы, *априори* полагается в постмодернизме как «насилие», «ограничение», «принуждение», «подавление». Идеология всегда «навязывается» «властью», свободно приниматься она, конечно, не может. Следует обратить внимание на *полное отсутствие* исторических, онтологических, эпистемологических

---

⁶⁵ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 276. Автор статьи – М. А. Можейко.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Постмодернизм. Энциклопедия. – С. 458. Автор статьи – Е. П. Коротченко.

⁶⁹ Там же.

или каких-либо иных оснований для принятия этих презумпций постмодернизма. С постмодернистской критикой идеологии всё обстоит так же, как и с «деконструкцией» метафизики⁷⁰. Критика идеологии не как определённого *содержания*, но как *формы* организации социальных взаимодействий в обществе предполагает *цель*, с позиций которой и во имя которой эта критика осуществляется, то есть какую-то *иную форму*. Но никакой иной позитивной формы постмодернизм не предлагает. Никакой позитивной программы философии взамен дисквалифицированной «метафизики» не выдвигает. В этом смысле постмодернизм следует рассматривать не как концептуальное обоснование и осмысление «конца метафизики» и «конца философии», но как *феномен самоотрицания определённой интеллектуальной традиции в истории человеческой культуры*.

Эволюционный трансгуманизм, в отличие от постмодернизма, ориентирован не на формальную, а на *содержательную* критику существующих идеологий и позиционирует себя в качестве *новой идеологии*, способной ответить на глобальные вызовы человеческой цивилизации. «Человечество, – пишет А. Ариянов, – должно выработать новую гибкую эволюционную психологию, новую стратегию, новую идеологию своего бытия. Метаэтику, метакультуру будущего, которая могла бы адекватно отвечать на вызовы времени. И это должна быть духовная, прогрессорская психология, космическая, пассионарная метакультура нового человечества, нечеловечества будущего. Культура, ориентированная на эволюцию, прогресс, развитие человека и социума. Эта культура должна задать новый вектор развития цивилизации, создать новые ценности и цели в жизни»⁷¹.

Эволюционный трансгуманизм возрождает метанарративы, хотя метанарративы трансгуманистического мировоззрения по своему содержанию и, главное, по своему статусу в контексте культуры существенно отличаются от метанарративов эпохи модерна. В трансгуманизме утверждается необходимость наполнить

---

⁷⁰ Впрочем, это взаимосвязанные проекты, так как в контексте постмодернизма сама метафизика объявляется идеологией или *метаидеологией*.

⁷¹ Ариянов А. Неочеловечество как предчувствие. URL: <http://www.2045.ru/news/29144.html> (дата обращения: 22.02.13).

традиционные базовые ценности человеческой культуры («метанарративы») новым содержанием.

Подведём итог. «Постмодернизм» – это обобщённое наименование тех тенденций в современной культуре, которые ведут к *стагнации* (а следовательно, и *деградации*), бессмысленному и бездумному потребительству. Постмодернизм – это *концептуальное обоснование современного общества потребления*⁷². Это общество утратило и/или отбросило свои традиции и отказалось от своих перспектив и своего будущего. Это общество пребывает в глобальном цивилизационном и мировоззренческом тупике. Постмодернизм претендует на господствующее положение в духовной культуре современного общества и стремится обосновать и утвердить свой *парадигмальный* статус. Являются ли эти претензии обоснованными?

Один из крупнейших российских исследователей философии постмодернизма И. П. Ильин, указывая на недопустимость абсолютизации постмодернизма, писал: «Как и всякая теория, претендующая на выведение общего знаменателя своей эпохи на основе довольно ограниченного набора параметров, постмодернизм судорожно ищет подтверждения своим тезисам везде, где имеются или предполагаются признаки, которые могут быть истолкованы как проявление духа постмодернизма. При этом частным и внешним

---

⁷² Большинство теоретиков постмодернизма акцентируют внимание на критическом, «протестном» потенциале своих идей. Это несколько не противоречит нашему тезису: постмодернистские тексты могут быть направлены против тех или иных социальных институтов и феноменов, представляющих собой своеобразные пережитки «модерна», но не против самого *типа современной культуры*, которая всё более функционирует в соответствии с логикой и базовыми принципами постмодернизма. Известный исследователь постмодернизма Ф. Джеймисон писал по этому поводу: «Все согласны с тем, что старый модернизм действовал против наличной социальности способами, которые описываются по-разному как критические, негативные, оспаривающие, субверсивные, оппозиционные и т. д. Можно ли утверждать нечто подобное по отношению к постмодернизму и его общественной значимости? Мы убедились в том, что существует модус, в соответствии с которым постмодернизм дублирует или воспроизводит – усиливает – логику потребительского капитализма; более важный вопрос состоит в том, существует ли модус, в котором он сопротивляется этой логике. Но этот вопрос мы оставим открытым» (Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. – 2000. – № 4. – С. 77).

явлениям нередко придается абсолютизирующий характер, в них видят выражение некоего "духа времени", определяющего все существующее. Иными словами, в постмодернизме пытаются объяснить весь современный мир, вместо того чтобы из своеобразия этого мира вывести постмодернизм как одну из его тенденций и возможностей»⁷³.

Вслед за И. П. Ильиным следует признать, что постмодернизм есть проявление и концептуальное осмысление определённых тенденций в современной культуре, а вовсе не адекватное выражение «духа времени». Претензии постмодернизма на статус новой («постнеклассической») парадигмы философии и науки необоснованны и несостоятельны. Существуют альтернативы постмодернизму, одной из которых является набирающее популярность движение и идеология эволюционного трансгуманизма.

В философском постмодернизме элиминируются (именно *элиминируются, а не разрешаются*) все проблемы классической и неклассической философских традиций именно потому, что постмодернизм – это последовательный нигилизм, это последнее слово нигилизма и релятивизма. Философский постмодернизм – это простое *переворачивание* классической европейской метафизики с ног на голову, тогда как трансгуманизм – это продуктивная содержательная альтернатива как метафизическому способу мышления и идеологиям, фундированным презумпциями метафизики, так и современному постмодернизму. Постмодернизм – это вызов, трансгуманизм – ответ.

Сходство между трансгуманизмом и постмодернизмом, на которое так часто указывают критики обоих этих направлений мысли, является поверхностным и мнимым. Различие же между этими идейными течениями представляется существенным и принципиальным. И это различие будет проясняться и конкретизироваться по мере разработки различных аспектов трансгуманистического мировоззрения и трансгуманистического проекта будущего, которые на данном этапе представлены лишь эскизно и фрагментарно.

---

⁷³ Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – С. 203.